

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-3-184-191>

Оригинальная научная статья

«Труды и дни Свистонова» Константина Вагинова: два автора и два их нарратива

Л. А. Ухтомская

Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Российская Федерация

✉ 9october@list.ru

Аннотация

В статье анализируется повествовательная структура романа «Труды и дни Свистонова» в аспекте сопоставления двух нарративов – авторского и персонажного. Целью исследования выступает демонстрация специфики их взаимозависимости и взаимообусловленности. Актуальность работы обусловлена общефилологическим интересом к литературе русского авангарда, развитие которого было пресечено установлением партийного контроля над литературой и спецификой композиции «романа в романе», не предоставляющего образцов самостоятельно письма одного из авторов. Перспективность настоящего исследования обусловлена синонимичностью культурной ситуации 1920-х и 2020-х годов в аспекте проблемы перегруженности литературы знаками культуры иных эпох, приводящей парадоксальным образом к отчуждению от прошлого. К. Вагинов насыщает свистоновский текст элементами собственного повествования, но последнее при этом включает в себя элементы, отобранные Свистоновым для его романа. Оба нарратива испытывают значительное влияние культурных кодов прошлого. В этой связи делается вывод о том, что внешний вымышленный текст наращивается за счет другого, внутреннего вымышленного текста, а литература сводится к распознаванию собственных и чужих цитат. На уровне повествовательной структуры выявляются черты рекурсивности или литературной аутофагии, коррелирующие с идеей танатоцентричности творчества, отсылки к которой представлены в «Трудах и днях Свистонова» и ранее были описаны другими интерпретаторами романа. К числу конкретных задач относятся выявление творческих методов обоих нарраторов и философских взглядов К. Вагинова на природу творчества и культуру как совокупность знаков, выражающих общечеловеческий опыт, изучение визуального кода романа и онтологического статуса вымышленного и действительного миров.

Ключевые слова: Константин Вагинов, «Труды и дни Свистонова», нарратология, коллекции и коллажи, параллельные повествовательные структуры, литературная аутофагия, самопародия, имитация, гетерогенный текст, фазы текстопорождения, границы реальности и фикциональности

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Ухтомская Л. А. «Труды и дни Свистонова» Константина Вагинова: два автора и два их нарратива. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 3. С. 184–191. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-184-191

Original article

“The Works and Days of Svistonov” by Konstantin Vaginov: two authors and their two narratives

Lydia A. Ukhtomskaya

Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation

✉ 9october@list.ru

Abstract

The article analyzes the narrative structure of Konstantin Vaginov's novel, “The Works and Days of Svistonov” (1928-1929), focusing on a comparison of the authorial and character-based narratives. The study aims to demonstrate the specific nature of their interdependence and mutual conditionality. The work's relevance stems from the general philological interest in Russian avant-garde literature, the development of which was curtailed by the imposition of party control over literature, as well as from the unique composition of the “novel within a novel”, which obscures independent authorial voices. The perspectivity of this research is conditioned by the synchronicity between the cultural situations of the 1920s and the 2020s, specifically concerning the problem of literature's overload with cultural signs from eras, which paradoxically leads to alienation from the past. Vaginov imbues Svistonov's text with elements of his own narrative, while the latter incorporates elements selected by Svistonov for his own novel. Both narratives are significantly influenced by cultural codes of the past. Consequently, it is concluded that the external fictional text is built upon another, internal fictional text, and literature is reduced to the recognition of self- and other-quotations. At the level of narrative structure, the study identifies features of recursiveness, or literary autophagy, correlating with the idea of the thanatocentricity of creativity, references to which are present in “The Works and Days of Svistonov” and have been previously described by the other interpreters of the novel. Specific objectives include identifying the creative methods of both narrators, Vaginov's philosophical views on the nature of creativity and culture as an aggregate of signs expressing universal human experience, examining the visual code of the novel, and analyzing the ontological status of fictional and real world.

Keywords: Konstantin Vaginov, “The Works and days of Svistonov”, narratology, collections and collages, parallel narrative structures, literary autophagy, self-parody, imitation, heterogeneous text, phases of literary creation, border between reality and fictionality

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Ukhtomskaya L. A. “The Works and Days of Svistonov” by Konstantin Vaginov: two authors and their two narratives. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 3. Pp. 184–191. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-3-184-191

Введение

Константин Вагинов – поэт-обэриут, участник круга Михаила Бахтина – пишет в 1928–1929 годах роман «Труды и дни Свистонова», проблематизирующий соотношение между реальностью и фикциональностью. Предлагаемый анализ становится возможным благодаря параллельному со-бытию двух нарративных структур – вагиновского текста и текста, создаваемого персонажем, – Свистоновым. Методологической основой настоящего исследования послужили работы крупных отечественных и зарубежных нарратологов: М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана,

В. Шмида, Ж. Женетта, касающихся вопросов повествовательной организации текста, соотношения фигур автора и персонажа. Кроме того, привлекался массив исследований, посвященных полиглотизму художественного текста. Среди авторов работ о текстуальной неоднородности выделим Н. Е. Меднис, С. Н. Зенкина, Р. Лахманн. Историко-литературной базой послужили научные труды следующих исследователей метапрозаических текстов и непосредственно творчества К. К. Вагинова: Е. О. Козюра, О. В. Шиндина, В. Б. Зусева-Озкан, Д. М. Бреслер.

События романа «Труды и дни Свистонова» консолидируются вокруг замысла Андрея Николаевича Свистонова и его воплощения в некоем романе, по окончании которого все его герои и сам автор переходят в этот безымянный текст с неопределенным сюжетом. Однако говорить о «матрешечной» конструкции «Трудов и дней Свистонова» в данном случае было бы упрощением – связь двух нарративов устроена сложнее.

Жизненные реалии и литература как стимуляция творчества

Введение в художественный текст подлинных документов, дневников, объявлений, невыдуманных рассказов, анекдотов – прием, в целом характерный для советской литературы 1920-х годов. Лидия Гинзбург называла подобного рода литературу промежуточной. В 2023 году была опубликована записная книжка Константина Вагинова «Семечки», в которой Константин Константинович фиксировал необработанный, нелинейный материал. Дмитрий Бреслер, причастный к ее изданию, отмечает, что Вагинов выступает здесь как социальный лингвист, исследующий маргинальные практики советского новояза и сохраняющий образцы прямой речи современного ему обывателя [1]. Приведем некоторые выдержки из «Семечек»: *«где остановился, там и женился»*, *«он смотрел на свою жизнь сквозь пальцы»*, *«неудачная блондинка»*. Эти и прочие забавные, броские, иногда вульгарные фразы или диалоги, подхваченные из эпического быта и «блатного» жаргона выдержаны в той же стилистической тональности, что и юмор «Трудов и дней Свистонова», на страницах которого можно найти *«замороченный гадостями, вонючие случаи»*, и фразы типа *«пожилой человек... за столом замяукал – этим он выразил желание попить чайку»*.

Так же, как и Свистонов, по мысли которого чтение *«расталкивает»* авторское воображение, Вагинов отталкивается от действительного мира, создавая мир вымышленный. В «Трудах и днях Свистонова» читаем о том, что кипы зарисовок, вырезок, выписок, ловких фраз, целых разговоров, эскизы города, жанровые сценки – *«все это росло и вступало в связь в комнате Свистонова»* [2, с. 232]. Сказанную кем-то фразу о Софийском соборе Свистонов ловит и прячет для одного из собственных героев, перекладывает в карман сады, по которым прогуливается, идет на кладбище читать надгробные надписи с целью поиска подходящих фамилий и мимоходом записывает разговор знакомого фельетониста со священником – из таких «краж» состоит буквально весь текст «Трудов и дней Свистонова». Жена помогает ему отбирать и сортировать газетные заметки – клеит их на отдельные листы, иногда перечитывает вслух. Сам Свистонов постоянно находится в состоянии охоты за будущими персонажами: люди *«делились на необходимых для его романа и ненужных»* [2, с. 224]. В Эрмитаж Свистонов прицельно идет разглядывать изображения сцен охоты, при этом он сам *охотится* за сценами охоты – здесь отчетливо начинает звучать мотив подобия. Эрмитажная живопись таким образом перекодирует на язык зрительных образов его собственный литературный метод. Свистоновская охота (в другом месте – *работа*) завершается присвоением места, вещи или человека и помещением внутрь романа. Все описываемое вымышленным автором буквально перекачивается из трехмерной реальности в двухмерное пространство текста.

Книги других авторов так же *питательны* для Свистонова, они при этом могут быть самыми разнообразными («кулинарные книги, лечебники... посвященные ... танцам, карточным играм» [2, с.154]), он ходит к букинистам, исследует много *[книг]* в нежных свиных и телячьих переплетах. Здесь отчетливо утверждается гастрономический код: чужие тексты предстают как колбасное изделие в оболочке переплета. В другом фрагменте один из героев, Психачев, «как тесто, подымается в нем» [2, с. 211]. Свистонов дробит мир реальный и мир культуры, переваривает и склеивает вещи и слова по коллажному принципу. По своей сути коллаж представляет собой двухфазный процесс: сначала происходит отбор и коллекционирование подходящего материала, после чего извлеченный из естественной среды, он комбинируется и соплагается особым образом, в соответствии с эстетической программой автора. Тема коллекционирования не раз связывалась с произведениями К. Вагинова в отечественной филологической науке [3]. К примеру, Свистонов просит друга прислать *конфетные обертки*, записки, дневники родственников и знакомых. Заметим, что одним из объектов коллекционирования для Константина Вагинова, который, вероятно, и скрывается за фигурой адресата просьбы, были как раз конфетные фантики. Свистонов, разумеется, тоже переживает страсть к коллекционированию, он *директор кунсткамеры*, бальзамирующий эпоху. Представляется важным тот факт, что свистоновское коллекционирование парадоксально бессистемно: отбор объектов не предполагает выстраивания изолированного самостоятельного мира. При перемещении объектов в новое контекстное окружение их ценность, вопреки целям специального отбора, утрачивается, а сами они исчезают, о чем свидетельствует образование пустот там, где Свистонов осуществил присвоение.

Свистоновская практика коллекционирования распространяется не только на объекты предметного и смыслового мира, а также на собственных друзей и знакомых; каждого Свистонов заботливо помещает в свой роман и тут же теряет к нему интерес, переходя к следующему персонажу [4]. Разнородность присваивания и отсутствие собственно творческих эманаций позволяют говорить о беспомощности автора, который не столько управляет материалом, сколько управляем им.

Покровительство Вагинова Свистонову

Считается установленным, что вставная новелла «Романист-экспериментатор» в составе «Трудов и дней Свистонова» была напечатана в выпуске газеты «Биржевые ведомости» за 21 июня 1913 года [5]. Вагинов использует реальные газетные заметки или сконструированные по их подобию реалистические муляжи, которые, попадая в контекст художественного вымысла, обретают новые значения и функции; теми же заметками, *отходами большой культуры* [6], пользуется Свистонов при создании собственного текста. Разумеется, что и Вагинов играет с читателем на нескольких уровнях: название его романа отсылает одновременно и к Гесиоду, и к выходившему в 1912–1916 годах символистскому изданию «Труды и дни».

При описании жилища Свистонова Вагинов с большой точностью воспроизводит свой дом. Отдельные реалии собственной жизни Вагинов также переадресует Свистонову и таким образом питает собой собственный текст – полагаем допустимым говорить здесь о литературной аутофагии. Герою достались флорентийское блюдо с тритонами, отказ от электричества, геммы и камеи, дешевые обои, венецианский стул и другие особенности вагиновского быта. Свистонов поступает ровно так же: *возьмет предмет, стоящий у него на столе, или факт из своей биографии и привяжет к кому-нибудь*. Знакомые, которым он читает роман, без особого труда опознают цитаты из его и своих жизней. Свистонов

при этом поступает как романист ушедшей культуры – идет по дороге, неся зеркало, отражаясь в котором, то есть узнавая себя в символической реальности, персонажи переживают лакановскую *stade du miroir* – травматичное самоотчуждение. Отсюда зловещая природа литературного творчества, тяготеющая к истреблению, а не бессмертию, провозглашенному еще античными классиками.

Специалисты по русскому авангарду находили реальных прототипов вагиновских героев, беседа Психачева и Свистонова о мистике и пакте с духами – пародия на беседы Гурджиева и Успенского, литературный вечер в Доме печати – пародия на поэтический вечер обэриутов «Три левых часа», состоявшийся 24 января 1928 года. То, что делают многочисленные исследователи романа «Труды и дни Свистонова», отыскивая параллельные эпизоды из жизни Вагинова, пародирует действия сплетников и сплетниц, слушающих свистоновский роман, из которого они узнают информацию о своих знакомых или находят авторитетное ей подтверждение. Вагинов Свистонову дает возможность подсмотреть свою реальность и «делиться» с ним персонажами. В главе одиннадцатой Свистонов компилирует «Весеннюю песнь меланхолика» Карамзина, собственный черновик о токовских старичках и детскую книжку «Звездочка» за 1842 год. Заметим, что в сокращенном виде повесть «Труды и дни Свистонова» была напечатана в журнале «Звезда» за 1929 (№5).

В меньшем масштабе Свистонов будто проходит по пути своего создателя, периодически захватывая реалии его личной и литературной жизни, снова поддерживая рекурсивность, или самоподобие повествования.

Визуальный код романа

В «Трудах и днях Свистонова» отмечается нетипичное использование паратекстуальных элементов, таких как сноски, отступы, шрифты, и интертекстуальных, то есть явных и скрытых цитат.

Примечательно графическое оформление текста: Вагиновым часто используется курсив для обозначения:

- фрагментов из романа Свистонова,
- некоторых вырезанных им заметок из газет,
- имитирующих авторское слово сносок внизу страниц,
- отдельных цитат из поэтических произведений других авторов.

Кроме этого, встречается расположение текста на листе в виде двух столбцов: в левом столбце наглядно предстает оригинальный источник, в правом – результат его переноса. Визуализированы листы с приклеенными на них газетными вырезками: каждый текст обведен в свою рамку, отличную от всех других, для каждого использован особый шрифт и кегль, симитирована типографская разнородность фрагментов и наглядно воплощен принцип коллажности, сопутствующий творческому методу Свистонова. В свою очередь, метод этот предполагает черновую зарисовку, пре-подготовку в виде визуализации. Подробно эти этапы расписаны в первой главе: жена прочитывает Свистонову текст газетной вырезки о «татуированном», помещенной в специально переплетенный сафьяном томик, романист просит у нее карандаш и краски и воспроизводит персонажа, названного *появляющимся героем*, на бумаге. В седьмой главе Свистонов также *работает над фигурами* (не характерами – Л.У.), нуждаясь в *резких линиях*, «*многих героев ... пришлось слить в один образ... и других... оставить как общий фон, как толпу, где мелькают – то голова, то плечо, то спина*». Формальную «очерниленность» герои, попавшие в свистоновский роман, воспринимают как очернительство.

Фактура романа «Труды и дни Свистонова» позволяет говорить о нем как о гетерогенном тексте, устанавливающем дистанцию между вербальными и

зрительными элементами. Тот факт, что письмо подобно изъятию, отсутствию, вполне укладывается в общую логику ленинградского авангарда, отсюда и выход к поликодовости, эксперименты с иконографическими знаками, попытки найти опору в пустоте.

Сближение двух нарративов, но не совпадение

И Вагинов, и Свистонов активно пользуются знаками мировой культуры. В одних случаях это жесткие десигнаторы: Байрон, братья Гонкуры, Ясная Поляна, Лаврецкий, Катон, Орфей, смердяковская гнусность, душа Дон Жуана, Ауэрбахов кабачок и другие. В других они представлены имплицитно, в смысловой оболочке: человек, который *газету гложет и ищет, нет ли еще какого-нибудь занимательного убийства* похож на Достоевского; *район, где встретились театр, «Молокосоюз» и аптека* напоминает антураж блоковских «Плясок смерти». Усиление интертекстуального напряжения происходит в числе прочего за счет принадлежности названных литераторов к числу сотворцов петербургского текста, к числу которых обычно относят и К. К. Вагинова. Культура воспроизводится за счет самопоглощения и самопереработки и выглядит неким безотходным производством. В романах Вагинова и Свистонова присутствуют многочисленные общие герои: второстепенные (Куку, Психачев), третьестепенные (несколько десятков имен), которые в процессе чтения / письма переходят из вагиновского текста в свистоновский, то есть также перекачиваются подобно всему прочему. При этом роман «Труды и дни Свистонова» поглощает свистоновские заметки и свою телесность конструирует в том числе за их счет. Константин Вагинов, оставляя следы в виде комментариев к романным эпизодам, прерывает свою вненаходимость и соучаствует как посторонний, но способный к со-творению голос. Автор и его герой способны обмениваться знаками, существовать в одном поле и варьировать свои статусы – в этом Ирина Сандомирская видит опрокинутую логику бахтинского карнавала [6].

Вагинов описывает Свистонова и закрывает его внутри нарратива. Какого именно? Последнее предложение «Трудов и дней Свистонова» гласит: *Свистонов целиком перешел в свое произведение*. Люди видятся Свистонову цитатами из прочитанных книг, и, вероятно, что *необходимые* для романа, – это те самые нераспознанные Свистоновым цитаты. В финале романист различает исключительно собственные цитаты. И за отсутствием любого другого инородного материала следует вынужденная остановка повествования. Дисгармония вносится в мир с течением времени, вещи разрушаются, как отмечает Евгений Козюра, распад – главная тема раннего Вагинова [7]. Разреженность предметного мира эквивалента молчанию как итогу авторской деятельности. Марк Липовецкий обращает внимание на то, что культуры, цитатами которой являются персонажи «Трудов и дней Свистонова», больше нет. Андрей Свистонов осознает отсутствие фундамента и симулятивность послеоктябрьской жизни [8], отчего противопоставлен остальным героям, с одной стороны, и Константину Вагинову – с другой. О. Буренина полагает, что изобразить значит уничтожить, и, прибегая к античной параллели, уподобляет любого автора Харону [9]. К контексте сказанного обнажается двусмысленность глагола «переправить» – перевезти за обол или переделать, избавить от огрехов. Свистонов провожает людей в текстовую реальность и исправляет их, так как чувствует «*пародийность мира по отношению к какой-то норме*» [2, с. 225]. Однако претензии автора на контроль над текстом оказываются иллюзорными, а сам Свистонов – уязвимым.

Творческий процесс по Вагинову есть переработка существующего, но эта переработка финитная. До определенного момента автор выполняет работу

по сбору и переводу в текст элементов реальности, однако вместе с тем свершается процесс перехода автора в фикциональную реальность, после чего писательство становится невозможным.

Заключение

Подведем некоторые итоги: вымышленный Вагиновым Свистонов заимствует у него вещные реалии, персонажей и ситуации, при этом вагиновский роман конструируется за счет включения фрагментов свистоновского текста. Отсюда представляется возможным сделать вывод о том, что нарративы не могут существовать один без другого: роман «Труды и дни Свистопова» совпадает с частью самого себя.

Элементы самоподобия части (свистоновского романа) и целого («Труды и дни Свистопова») обнаруживаются в следующих аспектах:

- 1) общности некоторых содержательных реалий,
- 2) коллажировании как принципе текстопорождения: сам рассказ о Свистопове подобен тому, как Свистонов генерирует собственный текст,
- 3) сходном устройстве обоих текстов, включающем серийность эпизодов, кумулятивность сюжета, отсутствие кульминации, бессобытийность,
- 4) одновременной остановке повествования.

При общих внешних границах эти нарративы далеки от слияния: Свистонов употребляет материал, которым до него воспользовался Вагинов, и творит новое из праха, останков, анимируя их. Не случайно о нем говорится, что Свистонов любит *мертвеньких*, здесь просвечивает ирония Константина Вагинова. В жанровом смысле Вагинов пишет роман о художнике, магистральная линия свистоновского же романа не считается. Две повествовательные структуры взаимосвязаны и взаимозависимы, что доказывается блокировкой вагиновского письма после поглощения персонажа миром его произведения.

Л и т е р а т у р а

1. Бреслер Д.М. Проза К. К. Вагинова: прагматические аспекты художественного высказывания в контексте литературного процесса 1920–1930-х годов: Автореф. Дис. ... к. филол. н.: Санкт-Петербург, 2015:21.
2. Вагинов К.К. Полное собрание сочинений в прозе. Санкт-Петербург: Академический проект; 1999:590.
3. Каминская Ю.В. Коллекции, таксономии, картотеки: поэтика «систематизирующего» метаписьма в русской литературе 1920–1970-х гг.: Дис. ... к. филол. н.: Красноярск, 2023.
4. Павлов Е. Умерщвляющее письмо: Ленинградское барокко Константина Вагинова. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/149_nlo_1_2018/article/19427/ (дата обращения 14.04.2025).
5. Долинин А. Вырезки и выписки как элемент художественного текста: Набоков – Вагинов – Тынянов. Nabokov Online Journal. 2018;XII:1-24.
6. Сандомирская И.И. Блокада в слове: очерки критической теории и биополитики языка. Москва: Новое литературное обозрение. 2013:432.
7. Козюра Е.О. Культура, текст и автор в творчестве Константина Вагинова: Дис. ... к. филол. н.: Воронеж, 2005:208.
8. Липовецкий М.Н. Паралогии: трансформация (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. Москва: Новое литературное обозрение; 2008:840.
9. Буренина О.Д. Литература – «остров мертвых» (Набоков и Вагинов). URL: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika/burenina-literatura-ostrov-mertvyh.htm> (дата обращения 05.05.2025).

References

1. Bresler DM. The prose of K.K. Vaginov: Pragmatic aspects of artistic utterance in the context of the literary process of the 1920s–1930s. Summary of dissertation for the degree of Candidate of Philological sciences. Saint Petersburg: 2015:21 (in Russian).
2. Vaginov KK. Complete prose works. Saint Petersburg: Academic project; 1999:590 (in Russian).
3. Kaminskaya YuV. Collections, taxonomies, card indexes: poetics of “systematizing” metawriting in Russian literature of the 1920s–1970s. Dissertation for the Degree of Candidate Philological Sciences. Krasnoyarsk: 2023 (in Russian).
4. Pavlov E. The killing letter: Konstantin Vaginov’s Leningrad baroque. Available at: www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/149_nlo_1_2018/article/19427/ [Accessed 14 April 2025] (in Russian).
5. Dolinin A. Cutting and excerpts as an element of artistic text: Nabokov – Vaginov – Tynyanov. *Nabokov Online Journal*. 2018;XII:1-24 (in Russian).
6. Sandomirskaya II. Blockade in word: essays on critical theory and biopolitics of language. Moscow: New Literary Observer; 2013:432 (in Russian).
7. Kozyura EO. Culture, text, and author in the works of Konstantin Vaginov. Dissertation for the Degree of Candidate of Philological Sciences. Voronezh: 2005:208 (in Russian).
8. Lipovetsky MN. Paralogies: transformation of (Post)modernist discourse in Russian culture of the 1920s–2000s. Moscow: New Literary Observer; 2008:840 (in Russian).
9. Burenina OD. Literature – “Island of the dead” (Nabokov and Vaginov). Available at: <http://nabokov-lit.ru/nabokov/kritika/burenina-literatura-ostrov-mertvyh.htm> [Accessed 5 May 2025] (in Russian).

Информация об авторе

УХТОМСКАЯ Лидия Александровна – аспирант кафедры истории и типологии русской и зарубежной литературы филологического факультета, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж, Российская Федерация, ORCID: 0009-0007-8900-3900, e-mail: 9october@list.ru

About the author

Lydia A. UKHTOMSKAYA – Postgraduate Student, Department of History and Typology of Russian and Foreign Literature, Faculty of Philology, Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation, ORCID: 0009-0007-8900-3900, e-mail: 9october@list.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 08.05.25
Принята к публикации / Accepted 30.05.25